

УДК 94 (47). 084. 1. 2. 3

УГОЛОВНАЯ СТИХИЯ НА ЕНИСЕЕ

© А.П. Шекшеев

Данная публикация рассказывает о начавшемся с революционных событий 1917 г. усилении уголовной преступности в г. Красноярске и уездах Енисейской губернии. В ней освещаются источники, формы проявления и выявляются особенности этого явления, столь распространенного в смутное время на данной территории. Освещая участие в преступлениях различных категорий населения, автор показывает все большее использование их большевиками и постепенное сращивание уголовщины с политической борьбой.

Ключевые слова: амнистия, большевики, власть, горожане, грабежи, красногвардейцы, кражи, милиция, насилие, общество, революция, самосуды, солдаты, тюрьма, убийства, уголовная преступность.

THE CRIMINAL ELEMENT ON THE YENISEI

© A.P. Shekshееv

This publication talks about beginning with the revolutionary events of 1917, the increased crime in the city of Krasnoyarsk and counties of the Yenisei province. It highlights the sources, manifestations, and identifies the characteristics of this phenomenon, so common in the time of troubles. Lighting involved in crimes of various categories of the population, the author shows the increasing use of the Bolsheviks and their gradual merging of criminality with political struggle.

Key words: Amnesty, the Bolsheviks, the government, citizens, looting, red guards, theft, police, violence, society, revolution, lynching, soldiers, prison, murder, criminality.

Существовавшая в советском прошлом идеологическая обусловленность событий, начавшихся в России с февраля 1917 г., и возникшее совсем недавно объяснение их заговорщицкими действиями внешних сил, требуют от историков детального выявления характера происходившего, в частности, на материалах сибирского региона. Человеческая жизнь всегда осложнялась уголовной преступностью*. Будучи распространенной и на Енисее, она быстро возростала во времена потрясений и войн, которые своими тяготами и потерями обездоливали существование и ужесточали нравы людей, делая их более агрессивными, а также отвлекали внимание государственных служб от правоохранительной борьбы,

зачастую оставляя уголовный мир без наказания.

Довольно частыми являлись преступления, совершаемые на территории Енисейской губернии, например, во время так называемой германской войны. Так, только на дорогах южных волостей, начиная с июня 1916 г., произошли с целью ограбления убийства золотопромышленника Дистлера, служащих Балахтинского волостного правления, ямщика, техника-десятника Усинской колесной дороги и лавочника. Несколько крестьян Абаканской, Курагинской и Шушенской волостей похитили вино из казенной лавки и имущество сидельцев и оказались в исправительно-арестантских ротах. Уже в январе 1917 г. был украден товар у таштыпского лавочника и совершено нападение на следовавшую из г. Ачинска в с. Большой Улуй почту с ограблением и убийством почтальона и ямщика, а в с. Сейском вернувшийся с фронта на побывку солдат, убедившись в неверности

* В данной статье автор оставил за рамками исследования такие категории преступности как самоубийство и антиобщественные и уголовные деяния красных партизан, которые заслуживают отдельного изучения.

жены, изуродовал её лицо [29, 23 июня, 27 июля, 5 августа, 21 сентября; 30, 1, 21, 28 января].

Состоявшиеся следом революционные события 1917 г. вынуждали пришедшие к власти политические силы обратиться к образованию собственной правоохранительной системы. 14 марта состоялось заседание исполкома Красноярского Совета, на котором говорилось о необходимости вооружения рабочих и создании из них милиции. С упразднением полиции началась организация милиции в уездах. Решение о создании условий для её формирования было вынесено 17 марта Красноярской городской думой [2, с. 13–14, 43, 47, 52; 16, с. 52–53]. Но для простых обывателей Красноярска революционные события оказались связанными, прежде всего, с совершенным в ночь на 3 апреля 1917 г. ограблением кассы кафедрального собора [5, 7 апреля].

Произошел этот грабеж одновременно с появлением на свободе бывших уголовных преступников, амнистированных Временным правительством. К 13 апреля из Красноярской тюрьмы были освобождены 1,6 тыс. лиц, среди которых были даже смертники. Некоторые из них сразу же подлежали отправке на фронт. В города губернии стали прибывать партии бывших каторжников и ссыльных, ранее находившихся на Ангаре, в Туруханском крае и на строительстве Усинской дороги, а Красноярск посетили еще и 200 бывших заключенных, следуемых в Иркутск.

Используя частные пожертвования и обеспечив одеждой и пропитанием, общественность и власти эвакуировали из Красноярска в «Россию» 754 политических и 89 уголовных ссыльных. Однако вследствие того, что выезд разрешался в прошлом каторжанам лишь после отбытия ими трехлетней ссылки, а средств для их размещения местные власти не имели, многие лица, получившие амнистию, были вынуждены трудоустроиваться самостоятельно или отправляться на службу в сибирские запасные полки. Так, в Минусинском уезде на 26 апреля были размещены 596 амнистированных, а в Красноярске к воинскому начальнику с заявлением отправить на фронт обратились до 100 человек [5, 11, 12, 13 апре-

ля; 20, л. 49, 57; 22, л. 15, 22, 31–32; 23, 18 апреля; 24, 15 апреля]. При этом на состоявшемся собеседовании 150 амнистированных лиц заявили о своем «страстном желании вступить на путь честного труда» и обязались организовать круговую поруку [14, с. 107]. Согласно регистрации, проведенной правоохранительными органами на территории Енисейской губернии, соответственно с амнистией Временного правительства были освобождены и затем в основном вернулись к прежнему ремеслу 4 тыс. рецидивистов [10, л. 15].

В то же время прежние сыскные отделения в губернии были расформированы. Вместо упокоившегося заведующего Х.И. Штейнерта и «старых», опытных агентов на службу в красноярский уголовный розыск пришли неподготовленные лица. При отсутствии хорошо организованного сыска и наличии большого количества амнистированных преступников Красноярск вскоре стал местом краж и грабежей даже в дневное время. В основном они осуществлялись солдатами местного гарнизона, которые пополнились вышедшими на свободу уголовниками. Например, они, будучи патрульными, не только приставали к женщинам с определенными разговорами, но и, обыскивая в поисках самогона квартиру торговца Шихова, опустошили кассу его лавки. При поимке двое из них оказались стрелком и унтер-офицером 14 и 30-го полков [25, 20 апреля, 9 мая].

Ослабление лесной стражи привело к массовым поджогам енисейского леса. 14 апреля начался пожар в Синявинских лесных дачах Минусинского лесничества, перекинувшийся и угрожавший постройкам Николаевского прииска. Пожар стих только с начавшимся дождем, оставив выгоревшую площадь в тысячу десятин. Но затем случилось возгорание леса уже в районе Михайловского рудника. Более того, «темные личности» устраивали поджоги буквально ежедневно и в самом Минусинске. 15 и 17 апреля имел место пожар даже в тюрьме: горели дома её администрации, фельдшера и надзирателей [24, 22, 26 апреля, 9 мая; 25, 13 мая].

Вслед за этими событиями в Минусинске произошли беспорядки. 24 апреля осво-

Рис. 1. Красноярск. Центр города

Рис. 2. Базар в Красноярске

бождение из заключения получили 59 лиц, изъявивших желание поступить на военную службу. Но, оказавшись на свободе и сгруппировавшись вокруг убийцы и бывшего каторжника М. Анисимова, они тут же потребовали отправки в армию тюремных надзирателей и начали их терроризировать. Речной мост, через который лица, служившие в тюрьме, возвращались в город, стал местом, где встречавшие их бывшие заключенные и солдаты приводили свои угрозы в реальность, используя даже режущее-колющее оружие. В первых числах мая несколько надзирателей шайкой Анисимова, Петрушина и Поварницына были избиты и ранены. Служащие тюрьмы ожидали погрома своего учреждения и расправы над собой.

Преследование бывшими заключенными тюремщиков совпало с прибытием 2 мая пароходом нескольких сотен солдат-отпускников, которые сразу же внесли в местную среду «революционные настроения» и заставили население Минусинска пережить «тревожные дни». По инициативе совдепа толпы солдат и примкнувших к ним местных хулиганов в военной форме подвергли городскую управу обыску, избивали, арестовали и сопровождали к начальнику гарнизона 15 бывших приставов, урядников, стражников и городских. Арестовав представителей власти, они создали «новое правительство» – комитет прибывающих солдат [20, л. 62–63; 21, л. 119; 24, 4, 5, 7, 13 мая].

Начиная с конца апреля 1917 г., почти ежедневно, вероятно, уголовниками поджигался и горел г. Енисейск. К 3–7 мая здесь были зафиксированы девять поджогов, в результате которых сгорели 30 жилых домов. Милиция сбилась с ног в поисках виновных, горожане были в панике, а власти были вынуждены ввести осадное положение. По просьбе местного исполкома из Красноярска на тушение пожаров были отправлены 120 солдат, 4 пожарных машины, 6 членов вольно-пожарного общества, и из Ачинска отпущены в отпуск военнослужащие, мобилизованные в Енисейске [5, 7 мая; 25, 7, 11 мая; 16 мая].

В мае 1917 г. местная газета сообщала, что дерзость воров в Красноярске начинает

переходить всякие пределы. Громили грабили не только обывательские квартиры, но и врываются в присутственные места. Из передней Общественного собрания были похищены вещи стоимостью в 950 руб., а виновных найти не удалось. 24 мая некоторые участники митинга, состоявшегося по случаю отъезда из Красноярск лидеров партии социалистов-революционеров М.А. Спиридоновой и Е.Е. Колосова, лишились в давке часов и кошельков, а сами они в поезде расстались с деньгами, часами и вещевым мешком. Воры при дефиците товара и наплыве публики успешно действовали в мануфактурных магазинах. Так, в одном из них женщина украла материю на 200 руб., а в другом – были похищены шляпы. Среди населения появились свои Робин Гуды. В Закачинской слободе в доме Нефедовой хулиганы выбили рамы и стекла. На вопрос о том, кто это сделал, жители отвечали: «Наши ребята... Так ей и надо – Нефедиха богата...».

Среди горожан стали проявляться и антисемитские настроения. К примеру, на Воскресенской улице был задержан и отправлен в милицию для выяснения личности мужчина, распространявший нелепые слухи, возбуждавшие население против евреев. Утром 29 мая во дворе дома Кисельмана вспыхнули дрова и сарай. Возгорание было потушено лишь с прибытием пожарных, которые, опросив местных жителей, выяснили, что оно возникло на почве поджога [5, 27 мая; 14, с. 107–108; 24, 26 мая].

Очередную панику у общественности и властей вызвало сообщение о предстоящем прибытии в Красноярск еще 3 тыс. амнистированных уголовников. С целью обезопаситься от преступников жители некоторых районов города начали организовывать самообрану, по улицам стали разъезжать казачьи патрули. Усилившийся спрос на оружие у обывателей удовлетворялся приобретением ими берданок.

Однако эти меры не спасали население от усилившихся мелких краж. Столкнувшись с девятью солдатами, выскочившими из ограды дома Матонина, куда они забрались для грабежа квартир, патруль подвергся ими обстрелу. 10 июня на дачу видного красноярского деятеля явились с обы-

ском трое солдат 15-го полка. Перевернув обстановку в помещении, выпив обнаруженное спиртное, получив требуемые деньги и посмеявшись над своими жертвами, они с вызовом казаков немедленно скрылись [5, 14 июня; 25, 13 мая].

Уголовная хроника сообщала тогда не только о кражах, но и случаях наркомании, мошенничества и хулиганства. Так, в ночь на 12 июля некий А. Кузнецов впрыснул себе морфий и после двухдневного сна и мучений скончался. Или газета писала: «15 июля гражданка N обратилась в редакцию и заявила, что два дня тому назад к ним в магазин явился солдат, назвался солдатом 30-го полка Петровым и заявил, что перехватил письмо группы солдат, бывших уголовников. Судя по письму, эта группа намерена атаковать ... магазин и квартиру семьи N с целью грабежа. Про письмо он заявил, что забыл дома, но он знает ... присутствующих в этой группе «анархистов». Письмо он все-таки обещал принести на следующий день, но больше не показывался... Гражданка N узнала, что с таким же заявлением солдат являлся в другие дома, везде производя переполох. Просят граждан, если называющий себя Петровым явится еще к кому-нибудь, вести его в милицию для выяснения цели шантажа». Не наказуемое милицией и проявляемое днем и ночью в городском саду хулиганство вызывало ропот обывателей [14, с.108; 24, 18 июля].

Деградация общества, человеческая жестокость проявлялась в самосудах и антиобщественном поведении, например, тех же солдат. В Ачинске 13 июня по подозрению в краже полкового имущества и по инициативе в прошлом преступного элемента состоялось трехчасовое истязание солдатской толпой офицера Мягкова. На следующий день магазины, хозяева которых ожидали погром, были закрыты. Будучи пьяным, солдат 15-го полка в Красноярске ударил мальчика-извозчика, а когда публика потребовала оплаты проезда, то её обругал [5, 29 июля; 25, 7 июля].

Стремившиеся жить по своим законам, крестьяне боролись с преступностью самосудами. В ряде селений Красноярского уезда пойманных воров секли розгами, водили

по улице с красными флажками и украденным мясом на шее. Жители с. Агинского Канского уезда задержали по подозрению в конокрадстве четырех мужчин, трех женщин и семилетнего мальчика цыганской национальности. Сход постановил их расстрелять. В с. Усть-Рыбинское того же уезда произошла денежная кража, в которой крестьяне заподозрили парня, проигравшего солидную сумму в карты. После пыток он признался в преступлении и указал на еще троих сообщников. Все они по решению схода приняли смерть. В Минусинском уезде крестьяне забили до бездыханности двоих воров, а в д. Базаиха под Красноярском были обнаружены трупы двоих солдат и неизвестного [5, 4 мая; 17, с. 139, 205; 23, 21 июня; 25, 7 июля].

В мае – июне 1917 г. оформились отделения городской и уездной милиции, их руководителями были избраны армейские офицеры Н.Н. Ермолинский, С.А. Ошаров и др. В Ачинске начальником милиции стал прапорщик А.Д. Кравченко, в Минусинске – юрист М.П. Адамович, в Канске милицию возглавили в прошлом ссыльный Х.Н. Гетоев и социалист-революционер Миллер. К середине лета того же года милиция была сформирована по всей губернии, но работала она слабо и не была способна оградить население от преступного элемента. Более того, сама милиция в Красноярске находилась под угрозой погрома. Так, начальник 1-го отделения 7 июня сообщил городскому голове о том, что организовалась шайка солдат для нападения на его подчиненных, и просил выдать милиционерам огнестрельное оружие [2, с. 58, 66–67].

Обусловленные слабостью власти и безнаказанностью, с одной стороны, разложением нравов и вседозволенностью, с другой, грабежи и кражи приобрели характер постоянного явления городской жизни. Они отличались дерзостью, размерами изъятых и сопровождалась крайней жестокостью. Так, 2 июля злоумышленники, проникнув в квартиру губернского комиссара Вл. М. Крутовского, похитили вещи и 300 руб. наличных денег. 23–25 июля вооруженные лица в солдатских шинелях ограбили китайца, с целью ограбления убили владельца квасной лавки, обыскали, на-

звавшись делегатами исполкома, квартиру М. Манусевича и отобрали у него 35 кусков опиума, якобы необходимого для нужд новой власти, наконец, ворвавшись в квартиру, снимаемую купцами, приехавшими из Туруханского края и закупившими товар для инородцев, забрали у них вещи и деньги. Следом произошли кражи солдатами имущества у постояльцев гостиницы «Италия» и на обывательской квартире, а один из них, явившись на базар, выхватил кошелёк у женщины. Пьяным буйством в номерах «Урала» и арестом отметились солдаты 30-го полка. Новую форму кражи применили неизвестные солдаты на ст. Красноярск: объявляя себя носильщиками, они уносили вещи проезжающих [2, с. 69; 5, 28, 31 июля, 2, 11 августа].

Подобные же события происходили и в уездных городах губернии. Так, 28 июля в Канске на керосиновом складе восемь солдат, явившись под видом милиционеров, пытались вскрыть денежный ящик. При этом охранники были убиты, а трое свидетелей получили тяжёлые ранения. Несмотря на организацию милиции и ночной стражи, в Ачинске и уезде распространились убийства, грабежи и открытая торговля самогоном. Для обывателей стало небезопасно брать деньги в сберкассе и хранить их дома. Из-за отсутствия товаров в городе закрылись магазины, а состоятельные лица, боясь потерять имеющийся капитал, лихорадочно начали скупать жилые дома. Выявляя по решению местного совдепа продовольственные запасы в городе, группы солдат обыскивали квартиры, не брезгуя даже досмотром личных вещей, и заставляли евреев открывать кладовые [25, 4, 31 августа, 19 сентября].

Сводки сообщали о грабежах проезжающих на дорогах. К примеру, «на Дрокинской горе с Федоровым повстречались восемь человек, ехавших в повозке с ящиком в солдатской форме. Остановили Федорова: «Что, самогонку везешь?» Федоров ответил, что нет. Тогда неизвестные злоумышленники начали обыскивать телегу Федорова и его карманы, из которых взяли портмоне с 9 руб. денег и из телеги полтора фунта сахара, ударили его два раза с приговором «буржуй» и спокойно отправились

по направлению к Красноярску». Или: «По дороге из села Верхне-Шалинского, на хуторе Кубенинском ... на проезжавшего по своим торговым делам гражданина ... напали двое выскочивших из тайги неизвестных и при участии сопровождавшего ... нанесли две раны в голову гирькой и ограбили его. После этого злоумышленники, сев в подехавшую к ним из тайги подводу, скрылись неизвестно куда. О происшедшем производится дознание и двое из злоумышленников уже задержаны» [2, с. 62–63].

Очередное жестокое преступление произошло 27 августа в Красноярске: офицером был убит служащий казначейства, обнаруживший измену своей жены. При аресте виновного толпа его чуть не растерзала. Массовое убийство имело место в доме Андреевой, владелице номеров гостиницы «Урал» и, вероятно, связанной с преступным миром. Посетив в поисках золота и денег хозяйку, преступники, скорее всего солдаты из амнистированных уголовников, зарезали её и застрелили ещё четырех находившихся здесь же женщин. Во время погони двое убийц были задержаны [5, 1 сентября; 25, 7 сентября].

С целью усиления борьбы с организованной преступностью в Красноярске было создано сыскное отделение, содержавшееся на средства министерства юстиции и занятое розыском преступников. Называемое инспекцией уголовного розыска, оно работало под руководством К.Х. Штейнерта. Однако, несмотря на его появление, преступный элемент не испытывал какого-либо стеснения. Высланный из Варшавы ещё при старом режиме, семь раз судившийся и служивший солдатом 30-го полка, некий поляк, попавшись на краже велосипеда, возмущался «порядками» и угрожал вызвать роту для разгона «царской» милиции. Бывший уголовник и стрелок 14-го полка, получив ранение при разборках, явился на излечение в городскую больницу, где и был арестован. В результате местные обыватели, сообщала газета, жили с ощущением своего нахождения «в руках преступников» [25, 7 сентября].

Случалось, что уголовники, используя служебные промахи милиционеров, заставляли их отступать от выполнения своих

обязанностей. Например, 22 сентября милиционеры, посетив барахолку, разогнали картежников. Но при аресте один из них, ударив милиционера, пустился бежать и вызвал стрельбу, на которую сбежались солдаты. Задержанных увели в милицию, куда вскоре подошли 200 человек, возглавляемые недавно выпущенными из-под стражи рецидивистами Фальковским, Устюговым и др. Милиционеры бежали из отделения, а подстрекаемая зачинщиками толпа освободила арестованных [2, с. 67].

С появлением воззвания, направленного арестантами Красноярской тюрьмы к «товарищам на воле», кровавый разбой прекратился лишь на некоторое время. Нераскрытые же грабежи купцов, китайцев, попытки ограбить клубы и ряд убийств указывали на то, что в городе с арестом и осуждением главаря К. Круглова, образовалась шайка, уничтожавшая старые притоны и прежних уголовников. Когда же с гибелью родственника вожака подозрение в его смерти пало на сожительницу Круглова Л. Халявину, то она загадочно исчезла. Народная молва приписывала её смерть другим членам шайки Круглова – амнистированным рецидивистам М. Кривому и Н. Юсупову. Образовав новое сообщество, они задушили не только её, но и определившегося на службу в железнодорожное депо и Красную гвардию бывшего «головореза» Ильина-Абашкина, а труп его подбросили к тюрьме. Узнав об этом, выпущенные по амнистии бывшие арестанты пришли в милицию и заявили, что, справедливости ради, они сами найдут и задавят лиц, совершивших кровавые преступления [25, 14, 19 сентября, 17 октября].

Местами сосредоточения уголовников все более становились предместья Красноярска. 27 сентября на Качинской улице опознанные трое грабителей бежали, отстреливаясь от преследовавшего их патруля. С помощью милиционера главарь Ф. Аболецкий был схвачен. В ночь на следующий день Красноярский исполком силами милиции и казаков организовал облаву в Николаевской слободе на «темных личностей» и дезертиров. Во время её был убит еще один член шайки Круглова – А. Дорофеев, за которым числилось множе-

ство преступлений. В завязавшей перестрелке действовавшие под руководством лидера красноярских анархистов В.К. Каминского казаки застрелили рецидивиста Балановского по кличке «Чай». Пытаясь хоть как-то повлиять на ситуацию, губернский комиссар в обращении к населению от 29 сентября 1917 г. просил его не доверять распространяемым слухам, воздерживаться от насилия, а виновных предупредил в наказуемости их поведения [5, 30 сентября, 1, 4 октября].

Между тем уже 30 сентября вблизи города был совершен очередной грабеж квартиры, хозяева которой получили ранения. В ночь же на 3 октября Николаевская слобода, несмотря на «карательную экспедицию» и воззвание властей, буквально «стонала» от пьяного разгула. Целые ватаги ходили по улицам, скандаля, стреляя и горланя песни [3, 3 октября; 26, 5 октября]. Начиная с 4 октября, горожане вновь подверглись грабежам и нападениям. Следующей ночью трое вооруженных солдат, объявив себя милицией, посетили лавку бывшего надзирателя, городского и стражника С. Ситничука, ранее находившегося в тесной связи с шайкой Круглова. Разогнав свидетелей, но, оставив нетронутой кассу, они смертельно ранили его. Преступники, среди которых жена убитого опознала Кривого и Юсупова, были арестованы [25, 12, 17 октября].

В борьбе с преступностью не помогали ни вмешательство солдатской и обывательской толпы, подвергавшей схваченных воров избиению, ни помощь тюремных сидельцев, выдавших милиционерам адреса «малин». 5 октября на лесопильном заводе бывшими арестантами была обкрадена квартира члена Красноярского совдепа. В самом городе восемь вооруженных грабителей ворвались в квартиру еще одного китайца, где забрали товары и деньги. Известный вор К. Устюгов по кличке «Костя-солдат», проникнув в жилище, нанес его хозяину четыре удара ножом и скрылся. 21 октября трое лиц в масках с целью ограбления посетили квартиру Якобсона. Но хозяин, ранив в начавшейся перестрелке ссыльного поляка, заставил налетчиков retirроваться [5, 15, 22, 24 октября; 25, 12 октября, 12 декабря].

Октябрьские 1917 г. события способствовали реорганизации и укреплению правоохранительных органов. При губернском народном комиссариате была сформирована инспекция милиции во главе с левой эсеркой А.П. Лебедевой. В Канске сыск и милиция были преобразованы в отделение уголовного розыска. Созданная в Ачинске уголовно-следственная комиссия под руководством бывшего офицера П.Е. Щетинкина выполняла функции уголовного розыска. Избранная населением и плохо вооруженная милиция стала заменяться отрядами Красной гвардии.

Вместе с тем политическая ситуация инициировала и расширение деятельности красноярских уголовников. Наряду с квартирами, в сферу их внимания все больше стали попадать магазины и служащие разных ведомств. Так, в одну из ноябрьских ночей воры, отомкнув замки, вывезли товар из магазина, а 13 ноября ограбили лесничего, возвращавшегося из города с полученными деньгами. На улицах появился особый вид грабежа: действуя в вечернее время, седоки с двуколки набрасывали аркан на прохожих, соскакивая с неё, требовали бумажники и исчезали. Милиция раскрыла и арестовала членов шайки, обворовывавших квартиры путем предоставления прислуги с фальшивыми документами. Митинговая стихия, охватившая горожан и солдат в это время, помогала ремеслу карманников [5, 22 октября, 2, 4 ноября; 25, 15, 17 ноября].

Возбужденные политическими событиями, обыватели легко и массово переходили грань поведения, за которой начиналось преступление. Бывшие рабочие железнодорожных мастерских, ставшие красногвардейцами, заявляя, что «они теперь власть», врываются в квартиры и угрожали оружием, вызывая у населения панику, а один из солдат буйствовал в железнодорожном собрании. Ожесточенность выплескивалась в драках и самосудах. Вечером 13 ноября на Вокзальной площади произошла крупная драка между пьяными и выяснявшими свои политические взгляды рабочими угольного склада и мастерских. На базаре солдаты расправились с интеллигентным мужчиной, заподозренным в кра-

же и неуплате денег за покупку. Озверевшие, они били «буржуя» прикладами, сапогами и камнями, а, разбив голову и переломав ребра, забрали у него часы и деньги. Такая обстановка способствовала ослаблению тюремного режима. Утром 15 ноября из узилища бежали четверо важных арестантов. В Николаевской слободе царил самогонный разгул. Толпы пьяных хулиганов, вооруженных винтовками и револьверами, в ночь на 22 ноября ходили по её улицам, угрожая расправиться с «интеллигентами». Между ними завязывались драки, началась стрельба залпами, выстрелом из револьвера был смертельно ранен солдат [5, 16, 17, 18, 19, 25 ноября; 25, 17 ноября].

Сама Советская власть, случалось, состояла из лиц, способных к преступлению. Свидетельством этого явилось произошедшее 26 ноября в пассажирском поезде на перегоне Зыково-Сорокино убийство некоей девицы. Его с целью ограбления совершил известный большевик и член Совета рабочих и солдатских депутатов Бляшко, бывший в прошлом сотрудником газеты «Красноярский рабочий». Избитого толпой, его затем под денежный залог освободили. Позднее Красноярский народно-революционный трибунал приговорил Бляшко к незначительному наказанию – 1,5 годам заключения, или штрафу в 6 тыс. руб. [5, 28, 29 ноября; 6, 17–30 марта]. С такими людьми в советах преступный элемент в губернском городе осмелел до того, что вечером 7 декабря его представители в лице, вероятно, поляков и военнопленного австрийца напали на номера в гостинице «Эрмитаж». Действуя под видом милиции, но в масках и с наганами, они ограбили приехавшего из Москвы постояльца-часовщика, отобрав у него ценные вещи [25, 9 декабря; 26, 5 января].

1917 г. заканчивался для населения Енисейской губернии также знаменательными событиями: в ночь на 24 декабря ограблению подвергся знаменитый Минусинский музей – её культурное лицо, а на следующий день распоряжением совдепа на свободу из Красноярской тюрьмы вышли арестанты, содержавшиеся за кражи и самогонничество [24, 29, 31 декабря].

Рис. 3. Красноярск. Кафедральный собор

Рис. 4. Красноярск. Мужская гимназия

Возросшие масштабы уголовщины заставили Советскую власть налаживать систему судебных органов. На основании Декрета СНК от 24 ноября 1917 г. Соединенный губернский исполком 15 декабря того же года создал ревтрибунал. В январе 1918 г. в губернии стали функционировать народные суды. Начиная с этого времени, в Красноярске активизировалась и деятельность следственных органов, милиции по упреждению и раскрытию преступности. Например, получив информацию о прибытии в город шайки воров-рецидивистов, гастролеровавших по Сибири и решивших взломать кассу комиссионного бюро «Трудсоюз», сотрудники сыскного отделения задержали её членов П. Долинского, А. Сташевского и Е. Фальковского. Но наружный осмотр помещения учреждения вызвал у сыщиков подозрения. Вызванный отряд милиционеров перестрелял трех бандитов. 5 января в Красноярске были расстреляны разбойники И. Кицкий (или Катовский), М. Кузнецов и Н. Шепитько, совершившие грабеж с убийством в с. Иркутском. В ночь на 7 января сотрудники милиции, обыскивая одну из квартир, обнаружили и арестовали известного грабителя Г.К. Шишкина, укравшего у солдаток д. Сидельниково Красноярского уезда целое стадо коров [26, 11, 16 января].

К этому времени советы рабочих и солдатских депутатов с целью якобы наведения порядка, а более того для борьбы с политическими противниками обзавелись отрядами Красной гвардии. Но безудержное желание большевиков усилить ряды своих сторонников, беспринципность в подборе красногвардейцев привели к засоренности их рядов местными «хулиганами и головорезами», не оставившими своего ремесла. Так, на одном из красноярских базаров вдруг появилась масса товаров, мануфактуры, что было, как выяснилось, следствием возвращения местных красногвардейцев из Иркутска после подавления юнкерского мятежа. Жители городского предместья наблюдали как они искали своих знакомых для сокрытия награбленного «барахла» [26, 2 января].

В январе 1918 г. население, проживавшее в районе тюрьмы, терроризировалось

беспричинной стрельбой красногвардейцев. Будучи пьяными, члены их отряда буянили: один из них убил человека, другой – произвел в квартире до 20 выстрелов, а третий – угрожал квартиранту смертью. 18 января двое вооруженных лиц обыскивали в поисках золота и самогона номера Соколовского. Когда же бывший прапорщик и помощник начальника одного из отделений милиции Энгель потребовал от них мандат исполкома, то они его арестовали и длительное время содержали на морозе. В тот же день красногвардейцы, отобрав оружие, подвергли избиению еще одного офицера. Записавшись в Красную гвардию и мечтая пожить «по-иркутски», трое лиц в ночь на 28 января произвели разбойные нападения, а на 18 февраля 18 человек пытались обезоружить охранника на товарном дворе железнодорожной станции. Поднятые по тревоге милиционеры одного грабителя ранили, другого – задержали. В номерах «Полтавы» были схвачены четверо грабителей, но их главарь с изъятými у постояльца деньгами скрылся. Согласно обнаруженному на месте преступления удостоверению, он оказался бывшим каторжником и членом исполкома Красной гвардии [6, 15–28, 17–30 марта; 26, 16, 18, 23, 30 января, 2–15, 9–22 февраля].

С выступлением красногвардейских отрядов против мятежных казаков в Минусинске произошли события, названные впоследствии большевиками антисоветским выступлением [4, с. 130]. 13 марта 1918 г. на квартиру инженера Н.С. Берсенева явились пятеро вооруженных лиц, еще трое – ожидали на улице. Тяжело ранив прислугу и потребовав от инженера денежную сумму, они убили его ударом штыка. Через день общественность, собравшись у могилы убиенного, потребовала от совдепа прекратить вербовку в Красную гвардию уголовников и немедленного созыва городской думы. Несмотря на то, что на месте преступления был обнаружен штык от винтовки, принадлежавшей красногвардейцу, гласные думы, представлявшие в ней совдеп, заявили о непричастности к нему своих «опричников». В ответ на требование думских деятелей вывести их за город и передать расследование опытным специалистам вла-

сти разогнали митингующих и выборный орган выстрелами в воздух и задержали его председателя, четырех гласных и кое-кого из публики [19, л. 241, 243, 245–247; 31, 6 марта]. Вспоминая эти события, один из командиров минусинской Красной гвардии Е.А. Глухих признавался, что «кадета» Берсенева «на тот свет отправили» его красногвардейцы [7, л. 2].

При наличии таких «защитников», которых красноярские обыватели в разговорах представляли не иначе как «кровопийцами и разбойниками» [14, с. 31], в городе продолжались преступления и бесчинства, инициированные разложившимися и ожидающими демобилизацию солдатами. Так, в новогоднюю ночь жители одного из домов были разбужены «страшным» шумом: нижние чины 30-го полка, проживавшие на верхнем этаже, открыли стрельбу в железную крышу. 3 января солдаты ограбили гражданина А.А. Пономарева, 10-го – проникнув под видом почтальонов и будучи в масках, забрали вещи и деньги из квартиры военного чиновника, а 24-го – трое вооруженных военнослужащих совершили ограбление лавочника и крестьянина.

Обыскивая квартиру некоего Я.А. Иванова, несколько человек, одетых в шинели и с масками на лице, 29 января поживились деньгами. Двое лиц, попав в жилище заведующего речной стражей и угрожая ему револьвером, вынудили его отдать 6,2 тыс. руб. казенных средств. 14 марта четверо солдат, вооруженных наганами, с измазанными сажей лицами под предлогом обыска отняли деньги у обывателя. Через несколько дней семеро «темных» личностей во главе с известным уголовником Крутиковым с целью грабежа убили торговца Головлева и троих женщин. Злоумышленники, пробив стену в магазине Ициксона, было похитили золотые и серебряные изделия, но им помешал владелец, который успел сообщить о происходившем в милицию. 26 марта трое лиц в солдатской форме на квартире председателя кооператива тружеников цирковой арены Германса, запугивая его оружием, изъяли 12 тыс. руб. паевых взносов и деньги домовладельца. Наконец, в ряду этих преступлений особое место заняло убийство вернувшимся с фронта сол-

датом собственной жены, вскармливающей общего ребенка [6, 6–19, 8–31, 14–27 марта; 26, 9, 16, 18, 30, 31 января, 2–15 февраля].

Имели место случаи, когда грабители приходили в кинотеатр или магазин и, заявив, что они работники милиции и действуют по служебному заданию, снимали кассу. Карманные воры придумали новый способ обирания красноярцев: останавливаясь где-то на улице с ругательствами в адрес большевиков, они собирали толпу начинавших волноваться обывателей, а затем обшаривали их карманы. Жертвой такой проделки, к примеру, стал кассир с железной дороги, у которого вытащили кошелек со значительной суммой денег [2, с. 126–127].

Случалось, что враждебные отношения складывались и между красноярскими красногвардейцами. В марте 1918 г. одного из них товарищи арестовали и при отправке в тюрьму избили. В другой раз выстрелами в окно был убит красногвардеец, а еще один – ранен. Власти были вынуждены принимать меры к налаживанию дисциплины.

Вместе с тем и губернская милиция, и Красная гвардия были способны к устранению беспорядков. После октябрьских событий 1917 г. по инициативе правонарушителей и некоторых советских деятелей в Красноярской тюрьме был создан «коллектив перевоспитания», а заключенные стали пользоваться льготами. Но, когда его члены, сопровождая больных заключенных к городскому врачу, не вернулись в тюремные стены, то горисполком отменил данное «новшество». В свою очередь, это спровоцировало волнения в тюрьме. Состоявшиеся 1 марта, они были ликвидированы вызванными красногвардейцами и солдатами революционной роты. С их помощью провокаторы были наказаны, а мятежные заключенные рассажены в одиночные камеры.

Красногвардейцы принимали участие и в акциях, направленных на ликвидацию преступности. Когда в переселенческом поселке, находившемся вблизи с. Шила, произошли беспорядки с погромом домов, то 19 марта туда был переброшен отряд Красной гвардии, который задержал 11 грабите-

лей. По приказу военного отдела губернского исполкома от 27 февраля главный штаб Красной гвардии организовал облаву на красноярской барахолке. Обнаруженные солдатские вещи были переданы в распоряжение уездного воинского начальника. Красногвардейцы использовались и в оцеплении красноярского предместья, и в последующей облаве на воров, осуществленной властями 29-го и в ночь на 30 марта. Действуя вместе с ними, в Покровской слободе погиб милиционер А. Шадрин [2, с. 154, 196–197; 6, 7–20, 10–23, 20 марта – 2 апреля, 21 марта – 3 апреля].

Усилилась раскрываемость преступлений и уголовным розыском. Причем происходило это чаще всего по горячим следам. Например, когда четверо вооруженных револьверами неизвестных лиц ограбили квартиру Калугиных, взяв вещи и 12 тыс. руб. деньгами, то вскоре двое грабителей были задержаны и опознаны потерпевшими, а часть похищенного им была возвращена. Нередко сыщики брали преступников с поличным, грабежи предупреждали и пресекали. В этих условиях отсутствие денежных средств заставило Красноярскую городскую думу на заседании 6 апреля 1918 г. рассмотреть вопрос о передаче инспекции уголовного розыска при городской милиции в ведение комиссариата окружного суда и выделить на её содержание часть государственной казны [2, с. 155, 159–161].

Местом преступлений все чаще становилась деревня, которая в отсутствие сильной власти использовала в борьбе с ними собственные возможности. Примером этого стали события в с. Ново-Алексеевском Красноярского уезда. Здесь на свадьбе пьяной компании братьев Урасовых и Хоревича было отказано в выпивке. Через неделю они, встретив, зарезали бывшего жениха. Собравшийся сельский сход постановил передать убийц в руки правосудия, но одного из них, прославившегося воровством, казнить на месте. Другой случай самосуда, совершенного в индивидуальном порядке, имел место в с. Межево того же уезда. Вернувшийся в апреле 1918 г. из заключения некий Игнатюков, желая отомстить, напал с шайкой себе подобных лиц на дом крестьянина Живодёрова. В перестрелке была уби-

та жительница, ранен ребёнок, жилище и имущество сгорели, а сам хозяин с семьёй спасся лишь бегством. Прибывший инспектор уголовного розыска доставил хулиганов и потерпевшего в Красноярск [2, с. 155–157].

Жертвами самосудов иногда становились невинные, а «мерой наказания» всегда являлась расправа. Например, крестьяне с. Шила, предупреждённые хозяином украденной лошади о приближении к их селу конокрадов, не разбираясь, застрелили двоих неизвестных им лиц, а потом привлекались к уголовной ответственности. В с. Талая Погорельской волости жителями был задержан проезжающий некий Ткаченко. Они опознали на его лошади хомут, когда-то украденный у их односельчанина. Крестьяне, надев этот предмет на «вора», гоняли его, избивая, по селу. Но вызванная на сборню жена потерпевшего украденное не опознала. Как выяснилось, хомут попал к Ткаченко от зятя, не вернувшегося с военной службы. С безвинно пострадавшего человека крестьяне были вынуждены снять наложенный штраф [2, с. 158].

Несмотря на получение совдепами телеграммы из центра о разграничении обязанностей милиции и Красной гвардии, совместное выполнение ими одних и тех же функций продолжалось до мая 1918 г. Но, даже разграничив поле их деятельности, Советская власть не создала централизованного руководства милицией: в каждом уезде она действовала под началом местных советов, а при губернском исполкоме существовал лишь отдел охраны, возглавляемый А.И. Кауровым и С.Б. Печерским. Лица, бывшие в руководстве губернской милицией, не задерживались на этом посту. С февраля 1917 г. по август 1918 г. в данном качестве служили пятеро человек [8, л. 6]. Находившаяся под руководством бывших офицеров, которые из-за подозрительности большевиков постоянно менялись, и обязываемая преследовать политических противников, Красноярская милиция так и не справилась с преступностью, которая перешла в наследство новой власти.

Усилившись при беспорядках, сопровождавших антибольшевистский переворот, уголовщина ликвидировалась уже его

участниками. Так, 19 июня «партизаны» Красноярской «Белой гвардии» задержали В. Андреева, главаря шайки, подделывавшей продовольственные карточки, по которым она получила сотни пудов сахара. Через день прибывшие на ст. Красноярск чехословацкие легионеры успели захватить четверых лиц, укравших несколько ящиков дефицитных стеариновых свечей. 21 же июня милицией, которую в городе по поручению новой власти возглавил поручик В.С. Коротков, были арестованы двое из четверых налетчиков, совершивших ограбление проживавших в гостинице «Метрополь» артистов, а следом задержанию подвергся и упомянутый выше Крутиков [3, 23 июня, 2 июля; 26, 23 июня].

После антибольшевистского переворота под деревенский самосуд стали попадать лица, которые являлись большевиками или сочувствовали им. Направлявшийся в Минусинск делегат VII уездного крестьянского съезда и бывший красногвардеец Д.В. Романов из д. Васильевки пытался уговорить крестьян, двигавшихся в том же направлении для свержения Советской власти, вернуться домой, объясняя им, что «свару затеяли казаки». Вернувшись с дороги, он вскоре был вызван крестьянами на сход. Здесь Романов был подвергнут избиениям, от которых скончался. Крестьяне Балахтинской волости Ачинского уезда выследили большую группу большевиков и красногвардейцев, скрывавшихся на Юдинском винокуренном заводе, и устроили над ними самосуд [9, л. 79–80; 12, с. 68].

Сформированная в Красноярске, новая милиция в составе офицеров продолжала успешно вылавливать преступников. Так, 17 июля захватом двоих налетчиков закончилось нападение на одну из квартир. 25 августа по подозрению в поиске возможностей для побега заключенных большевиков вблизи Красноярской тюрьмы были замечены разыскиваемые милицией П. Ковалев и П. Скворцов-Субботин. Когда же они, отстреливаясь, пустились бежать, то были при личном участии того же Короткова задержаны [3, 18 июля; 26, 31 августа].

Летом 1918 г. выявились участвовавшие случаи преступной деятельности военнопленных. В Канск были возвращены от-

правляемые на родину немцы, выдававшие себя за инвалидов. При них были обнаружены более двух млн руб. деньгами, в т. ч. 20 тыс. золотом, приспособление для фабрикации ассигнаций, карты железных дорог, товары и продукты. В Красноярске четверо вооруженных австрийцев напали на дачу, но хозяин одного из них в перестрелке застрелил. Поэтому распоряжением военкома Временного Сибирского правительства находившиеся в Красноярске и проживавшие уже семьями военнопленные были изолированы в военном городке [3, 3 июля].

Тогда же преступностью стали охватываться уездные города и селения. В с. Тигрицком и Моторском Минусинского уезда путем жестокого избиения односельчанами на бытовой почве произошло убийство двух крестьян, а в с. Детлово были застрелены двое и ранен еще один человек. Труп пропавшего жителя д. Казанско-Богородской оказался в реке. Соответственно и борьба с преступностью стала перемещаться на губернскую периферию. Так, к примеру, были задержаны трое конюшников, угнавших лошадей с тележкой у жителей приискового поселка. На руднике «Юлия» аресту подвергся и был доставлен в Минусинск «знаменитый» разбойник Дзюрда. Ранее его шайка, совершившая до 30 убийств, наводила панику на жителей северной части уезда. Схваченный и осужденный, он весной 1917 г. оказался по амнистии на свободе, но затем бежал с воинской службы и организовал новую шайку, уживавшуюся с советами. В Минусинске аресту подверглись крестьяне, служившие прислугой и обокравшие квартиру уездного комиссара П.Н. Тарелкина. Бежавший с внешних работ заключенный Минусинской тюрьмы был пойман организованной облавой [31, 11, 14, 19, 23, 28 июля, 27, 31 августа].

Следуя либерально-демократической традиции и соблюдая законность, власти не позволяли крестьянам-общинникам наказывать лиц, вызывавших своим поведением осуждение деревни. К примеру, когда сход жителей с. Верхняя Ерба Минусинского уезда постановил выселить вместе с семьей односельчанина, как «непригодного члена»,

то власти высказались по этому поводу отрицательно. Комиссар того же уезда, получив прошение Тесинского общества Знаменской волости об исключении из него и выселении «порочных» членов, указал крестьянам, сославшись на то, что правительство лишило сельские общества права административной ссылки, на незаконность их просьбы [19, л. 331; 31, 1 октября].

Тем самым власти сами провоцировали население на распространение самосудов. К примеру, когда в августе 1918 г. выгорело более чем наполовину с. Белоярское Кочергинской волости, то по обвинению в поджоге крестьянами были убиты трое односельчан, а еще двое успели бежать. Такой же была судьба содержателя минусинского притона С. Якимова по кличке «Лампочка», в прошлом осужденного на каторжные работы за убийство фельдшера, но по амнистии вернувшегося в город. В ночь на 9 сентября толпа, обнаружив его с похищенными из артели выделанными овчинами, тут же убила вора. Крестьяне из с. Кочергина, вызвав в волостную земскую управу односельчанина, по неизвестной причине убили его. Сокрыв следы преступления, они все же были разоблачены и арестованные доставлены в Минусинскую тюрьму [31, 21 августа, 10, 26 сентября].

Накануне так называемого Минусинского крестьянского восстания в деревне царили общественное равнодушие, самонаравление, мордобой, нежелание платить подати, а также кражи, поджоги и кровавые расправы. Так, 25 сентября в д. Татарская Тесь крестьянин украл у соседа 50 снопов пшеницы, в ночь на 22-е двое жителей д. Быстрая, напившись, подрались со смертельным исходом для одного из них, в ночь на 2 октября в п. Ивановском в результате поджога сгорел сахарный завод Пашенных, 5-го – в с. Сагайское крестьянин по пьянке убил стягом односельчанина, 12-го – у жителя Лугавской волости с базара угнали четырех лошадей, а 25-го в с. Большая Салба мужик зарезал соседа [31, 27, 29 сентября, 1, 12, 16, 23, 25 октября, 7 ноября].

Все чаще нападению и ограблению подвергались представители власти и лица, известные нажитым состоянием. К примеру, 2 октября в с. Чебаки Ачинского уезда

злоумышленники ограбили золотопромышленника К.И. Иваницкого. За исключением одного, они были задержаны. В ночь на 8 октября в Минусинске двое неизвестных совершили дерзкое нападение на возвращавшегося домой офицера М.А. Добрицкого, известного обществу в качестве организатора «инородческой армии». Возникла перестрелка, но на помощь ему ночные объездчики так и не прибыли. В то же время местная милиция задержала бывшего красногвардейца из Григорьевской волости, обвиняемого в ограблении трупа офицера, конфисковала две денежные фальшивки, предназначенные для хождения среди инородцев, установила, что на территории Лугавской, Каптыревской и Шушенской волостей скопилось множество дезертиров, и упустила задержанного за стрельбу в пьяном виде на Даниловском заводе некоего И. Решетникова [31, 11, 18, 26 октября, 3 ноября].

Распространение преступности, с которой по горячим следам боролась милиция, имело место и в др. местностях губернии. Так, в ночь на 10 ноября в д. Телкино Енисейского уезда произошло убийство и ранение членов одной из семей. Тут же аресту были подвергнуты пятеро злоумышленников. В красоярском предместье «Каштак» буянившие жители выбили в домах стекла и избили представителя власти. При задержании их милиционерам пришлось разгонять собравшуюся толпу выстрелами в воздух [6, 5–18 ноября; 31, 11 декабря].

Несмотря на запуганность минусинских мятежников суровой расправой, власти так и не справились с уголовной преступностью, которая стимулировалась «большевистскими» беспорядками. Так, во время Минусинского восстания в уездном городе ограблению и убийству подвергся домовладелец В.И. Занин. 7 декабря 1918 г. в д. Худоногово бывшим каторжником были угнаны у жителей пятеро лошадей, а 9-го неизвестным лицом похищено имущество у инородца из Усть-Абаканской волости. Вероятно, убоявшись чего-то, скрылся председатель Дубенской сельской управы и при этом похитил 2 тыс. руб. 26 декабря у д. Быстрой был обнаружен труп

известного общественного деятеля и кооператора М.Г. Монастыршина, возвращавшегося из города с крупной суммой денег. Наконец, 15 марта 1919 г. двое крестьян из с. Моисеевского, находясь на базаре в с. Абаканском, ударом кола убили приехавшего жителя д. Шириштык [31, 18, 19 декабря; 32, 25 января, 19 марта].

Но более всего местом преступлений, приобретавших политическую окраску, и жесткой борьбы с ними стал Красноярск. Совершенное 10 октября ограбление барака с беженцами было милицией быстро раскрыто и все члены шайки, в частности разбойник А. Полетаев по кличке «Санька Полетный» с 40 тыс. руб. украденных денег, оказались арестованными. Подозреваемый в ограблении, осуществлении крупной кражи и в убийстве милиционера, скрывшийся из города разбойник К. Гончаров 9 ноября при проверке пассажиров поезда был арестован. На следующий день милиционеры, патрулируя Николаевскую слободу, задержали десятерых человек, среди которых оказались члены I-го подпольного большевистского комитета В.Н. Попов, П.Г. Канцелярский и Р. Петерсон. Некоторые из них после опознания были отпущены, а студент Омского сельскохозяйственного института Петерсон, сознавшийся в том, что приехал в Красноярск для организации помощи заключённым большевикам, был расстрелян или убит конвоем при попытке к бегству [1, л. 56, 65–66, 95, 99, 108, 171; 26, 6 декабря; 31, 13, 30 ноября].

Несколько членов существовавшей в Красноярске шайки «Чёрная рука» обратились к состоятельным лицам Девяткову, Цукерману и Данилову и потребовали, пригрозив смертью, оказать денежную помощь скрывающимся красновардейцам. Но по заявлению одного из них они были арестованы. Организованные, по сведениям некоторых историков, чешской контрразведкой, «черные коммунисты-анархисты», добывали денежные средства грабежами, передавали их большевистскому комитету и, зная о его связях, использовали их для заманивания приезжавших с мест подпольщиков. Так, в декабре 1918 г. прибывший из Троицкосавска большевик Третьяков ошибочно попал на явку «черных коммунистов» и

был ими якобы выдан милиции. В конечном итоге, экспроприации, осуществляемые уголовниками, вывели оперативников на подпольный большевистский комитет, подвергшийся тут же разгрому. Арестованы были до 30 человек [26, 22 ноября, 6 декабря; 28, с. 148; 31, 30 ноября; 32, с. 219; 33, с. 43–44].

Сыскным отделением были раскрыты совершенные ранее преступления. Аресту подверглась шайка с наводчиком, ограбившая в городе почтово-телеграфную контору на более чем миллион рублей. Воровская среда Покровской слободы, «крышевавшая» местных самогонщиков, с убийством и ранением на почве ограбления лиц, принадлежавших к татарской диаспоре, перешла в вооруженную оппозицию к «качинцам», а потерпевшая опознала задержанных налетчиков – А. Воронова, П. Скворцова-Субботина, П. Данилова, Ф. Смирнова и др. Были арестованы лица, грабившие возвращавшихся с базара крестьян, члены шаек, обворовавших общество «Красного Креста», потребительскую лавку и квартиры китайцев, а также обвиняемый в мошенничестве и шантаже бывший агент охранного отделения М. Клейнмихель. Привлеченный к рассмотрению этих дел, военно-полевой суд приговорил Гончарова, Коноплева, Лазерсона, Мещерякова, Нежникова, Полетаева, Слизнякова и Чечегова (или Чичагова) к расстрелу, а еще троих обвиняемых – к каторге [26, 13 декабря; 31, 13 ноября].

Деятельность правоохранительных органов высоко оценивалась местными властями и прокуратурой. В январе 1919 г. на первой полосе губернского официоза была опубликована благодарность управляющего Енисейской губернией П.С. Троицкого чинам городской милиции за поимку шайки вооружённых грабителей. Товарищ прокурора Красноярского окружного суда А. Телегин в своём рапорте от 27 января 1919 г. сообщал прокурору об успехах начальника милиции Короткова. Всего за несколько дней он укомплектовал личный состав, установил строгую военную дисциплину. Теперь, по оценке сотрудника прокурорского надзора, раскрытие преступления перестало быть чем-то случайным и неожиданным. Приходится удивляться, продолжал Теле-

гин, его энергии, настойчивости, трудолюбию и умению подбирать хороших сотрудников при их дефиците. Он особо отметил, что начальник милиции всегда был впереди подчинённых в момент опасности [13, с. 186, 203].

Однако, несмотря на успешную деятельность милиции и жесткость наказания, преступность в условиях вооруженной политической борьбы продолжала усиливаться. Уже 10 декабря в Красноярске состоялось нападение грабителей на квартиру милиционера, на следующий день они с помощью прислуги вынесли из квартиры инженера А.В. Весселя золото и 7 тыс. руб. деньгами [26, 13, 15 декабря]. Покушение было совершено даже на Короткова. 28 февраля 1919 г. он подвергся нападению «качинских головорезов» и был ранен в ногу. В перестрелке один из нападавших, молотобоец железнодорожных мастерских М. Смирнов, был убит, а остальные подоспевшими милиционерами задержаны. 1 марта военно-полевой суд приговорил виновных: рецидивиста В.Д. Гаевского, В.Г. Гринёва, А.Я. Медянкина и Н.С. Орлова к расстрелу [1, л. 90, 92; 27, 4 марта].

Все чаще в поле деятельности милиции вместе с уголовниками попадали лица, появившиеся в Красноярске с политическими целями. В апреле 1919 г. при аресте уголовников, зверски убивших в пригороде семью некоего огородника, милиция обнаружила адрес конспиративной явки и пароль. В этой квартире, оказавшейся модельной мастерской по пошиву женской одежды, её сотрудники выявили мужчину, пытавшегося сжечь свёрток бумаг. Он был опознан как омский большевик Э. Родэ, а бумаги оказались информацией о деятельности подполья в Сибири [1, л. 68].

Большевики не стеснялись использовать в своих целях угрозы и массовые убийства политических противников. Так, 12 апреля 1919 г. воззвание подпольщиков, призывавшее устроить «буржуйам» «Варфоломеевскую ночь», вырезать всех интеллигентов и восстановить Советскую власть, появилось на Абаканском железоделательном заводе [32, 13 апреля]. Один из белогвардейцев вспоминал ситуацию, сложившуюся в Красноярске и губернии так: «Хо-

ждение по Красноярску было сопряжено с риском. Красные по ночам убивали офицеров, поджигали склады, магазины, перерезали телефонные провода. Свет в домах не зажигался, или окна завешивались тёмной материей – иначе граната. В кармане ночью заряженный браунинг...». За время партизанщины на внутреннем фронте в Красноярске, Канске и Минусинске, вероятно, преувеличивая, продолжал он, были убиты сотни офицеров и солдат правительственных войск, много сгорело и зданий [11, с. 40, 42].

Таким образом, начавшиеся с февраля 1917 г. события в Енисейской губернии усилили в обществе разрушительные настроения. Такое «завоевание революции» как свобода было понято большинством населения в качестве вседозволенности. Социальная неудовлетворенность, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне, а также растущая агрессивность людей стали питательной основой и сопровождалась сильной волной преступности. Существовавшая всегда, она во время революционных событий и Гражданской войны была обусловлена еще и слабостью власти и служила на руку большевикам. При отсутствии государственной воли, нехватке материальных ресурсов и незначительности лиц, способных бороться с преступностью, особенностью этих лет стало определяющее участие в ней «человека с ружьем» и таких категорий как ссыльные прежнего политического режима и военнопленные Первой мировой войны. Заметным являлось обращение крестьян к самосудам. С начавшейся Гражданской войной и соответственно падением ценности жизни произошли структурные изменения в преступности: основной формой её стали грабежи и убийства. Обострение политической и вооруженной борьбы между красными и белыми вело к сращиванию её с преступностью и использованию приемов, известных в уголовном мире. Получив дополнительные возможности для своего распространения, стихия уголовщины все больше втягивала в свою орбиту городские и деревенские низы и становилась важным фактором в жизни общества.

Приложение 1

Биографии

Берсенов Н.С. – 1882 г. рождения, окончил Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения (1908), заведовал возведением мастерских Балтийского судостроительного завода, исполнял в Томском округе путей сообщения обязанности старшего инженера, в Красноярске – инженера судоходства по р. Енисей. С сентября 1912 г. – заведующий расчисткой порогов. Под его руководством были очищены самые опасные пороги – Большой и Джойский.

Коротков В.С. 1892 г. рождения, уроженец г. Самары, из семьи железнодорожного служащего. Окончил в Красноярске железнодорожное, техническое и землемерное училище. С 1913 г. – рядовой 17-го Туркестанского полка, служил при штабе Ташкентского военного округа. Окончил военное училище. В 1916 г. – подпоручик 30-го Сибирского полка. Участник Первой мировой войны, был контужен и произведён в поручики. С апреля 1918 г. – помощник начальника отделения, с июня – начальник Красноярской городской милиции.

С июля 1919 г. – начальник отряда особого назначения. В конце 1919 г. в звании подполковника служил комендантом штаба Енисейской отдельной казачьей бригады. Вместе с казаками проделал «ледяной поход», ушёл из Читы в Маньчжурию, затем в Приморье. В 1921–1922 гг. – помощник начальника милиции Уссурийской железной дороги. Находясь с 1923 г. в эмиграции и проживая в г. Хайларе, служил в ряде зарубежных финансовых организаций, владел зубо врачебным кабинетом. Состоял членом «Русского национального общества», «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» и казачьего союза. Избирался помощником и атаманом станицы Хунхульды Северного Хингана. Создал и в 1942–1943 гг. командовал Хунхульдинским казачьим дивизионом. В декабре 1946 г. при наступлении советских войск был арестован и содержался в Алма-Атинском концлагере, а в январе 1948 г. приговорён Красноярским краевым судом к 25 годам заключения.

Статья поступила 24.08.2015 г.

Библиографический список

1. Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д. 021087.
2. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн. первая. 1917–1925 гг. Ч. 1. Красноярск, 1993.
3. Воля Сибири. 1918.
4. Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К. Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934.
5. Голос народа. 1917.
6. Голос народа. 1918.
7. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. 64. Оп. 5. Д. 137.
8. ГА КК. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 2..
9. ГА КК. Ф. Р. 448. Оп. 2. Д. 5.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р. 20. Оп. 3. Д. 3.
11. Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в Гражданскую войну // Белая гвардия. 1997–2000. № 1.
12. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.
13. Звягин С.П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.
14. Кадач М.А. Преступность в Красноярске в 1917 году (по материалам газеты «Свободная Сибирь») // Енисейская провинция. 2004. № 1.
15. Красноярский рабочий. 1917.
16. Красноярский Совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома, отделов): Сб. док-в. Красноярск, 1960.
17. Крестьянское движение в 1917 году: Сб. док-в. М.-Л., 1927.
18. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008.
19. Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.
20. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 3.

-
21. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 4.	29. Труд. 1916.
22. МКУГМ «АГМ». Ф. 124. Оп. 1. Д. 6.	30. Труд. 1917.
23. Наш голос. 1917.	31. Труд. 1918.
24. Свобода и труд. 1917.	32. Труд. 1919.
25. Свободная Сибирь. 1917.	33. Штырбул А.А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 2. (1918 – 1925). Омск, 1996.
26. Свободная Сибирь. 1918.	34. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.
27. Свободная Сибирь. 1919.	
28. Стишов М.И. Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962.	

Сведения об авторе

Шекшеев Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», 655017, Россия, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 59–49, тел. 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru

Sheksheev Alexander Petrovich, candidate of historical Sciences, member of the Board of the Khakassian organization Society "memorial", 655017, Russia, Republic of Khakasia, Abakan, Ul. Schetinkina, 59–49, tel.: 83902348583, e-mail: Turan47@yandex.ru